

АФАНАСИЙ ФЕТ

Я ПРИШЕЛ К
ТЕБЕ С
ПРИВЕТОМ...

Эксклюзив: Русская классика

Афанасий Фет

Я пришел к тебе с приветом...

«Public Domain»

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос = Рус)1-5

Фет А. А.

Я пришел к тебе с приветом... / А. А. Фет — «Public Domain»,
— (Эксклюзив: Русская классика)

ISBN 978-5-17-133541-0

Наследие Фета в действительности куда более многообразно, чем позволяет считать школьная программа. Все мы знаем, что Фет был вдохновенным певцом природы (и не только русской, но и европейской) и мудрым стихотворцем-философом, однако, помимо этого, он был автором и тончайшей любовной лирики, и весьма необычных баллад (как реалистических, так и мистических), добродушным апологетом тихой, идиллической жизни в русской помещичьей усадьбе и исключительным знатоком античной поэзии, умевшим блестяще стилизовать под нее собственные произведения. И все эти многочисленные грани замечательного таланта Фета в равной степени нашли отражение в составе данной книги.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос = Рус)1-5

ISBN 978-5-17-133541-0

© Фет А. А.
© Public Domain

Содержание

Элегии и думы	6
«О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной...»	6
«Когда мои мечты за гранью прошлых дней...»	7
«Когда мечтательно я предан тишине...»	8
«Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой...»	9
«Странное чувство какое-то в несколько дней...»	10
«Я знаю, гордая, ты любишь самовластье...»	11
«Ее не знает свет, – она еще ребенок...»	12
«Эх, шутка-молодость! Как новый, ранний снег...»	13
«Лозы мои за окном разрослись живописно и даже...»	14
«Тебе в молчании я стираю руку...»	15
«Не говори, мой друг...»	16
«Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?...»	17
«Под небом Франции, среди столицы света...»	18
Смерти	19
«Целый заставила день меня промечтать ты сегодня...»	20
Одинокий дуб	21
Италия	22
На развалинах цезарских палат	23
«Пойду навстречу к ним знакомою тропею...»	24
Старые письма	25
«О нет, не стану звать утраченную радость...»	26
«Окна в решетках, и сумрачны лица...»	27
«Не первый год у этих мест...»	28
«Томительно-призывно и напрасно...»	29
«Ты отстрадала, я еще страдаю...»	30
Alter Ego[1]	31
Смерть	32
Среди звезд	33
«Измучен жизнью, коварством надежды...»	34
«Когда Божественный бежал людских речей...»	36
Ничтожество	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Афанасий Афанасьевич Фет
Я пришел к тебе с приветом...

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Элегии и думы

«О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной...»

О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной,
Коварный лепет твой, улыбку, взор случайный,
Перстам послушную волос густую прядь
Из мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, один, никем не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
В словах, которые произносила ты;
Шептать и поправлять былые выраженья
Речей моих с тобой, исполненных смущенья,
И в опьянении, наперекор уму,
Заветным именем будить ночную тьму.

<1844>

«Когда мои мечты за гранью прошлых дней...»

Когда мои мечты за гранью прошлых дней
Найдут тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, как первый иудей
На рубеже земли обетованной.

Не жаль мне детских игр, не жаль мне тихих снов,
Тобой так сладостно и больно возмущенных
В те дни, как постигал я первую любовь
По бунту чувств неугомонных,

По сжатию руки, по отблеску очей,
Сопровождаемым то вздохами, то смехом,
По ропоту простых, незначащих речей,
Лишь нам звучавших страсти эхом.

<1844>

«Когда мечтательно я предан тишине...»

Когда мечтательно я предан тишине
И вижу кроткую царицу ясной ночи,
Когда созвездия заблещут в вышине
И сном у Аргуса начнут смыкаться очи,

И близок час уже, условленный тобой,
И ожидание с минутой возрастает,
И я стою уже безумный и немой,
И каждый звук ночной смущенного пугает;

И нетерпение сосет больную грудь,
И ты идешь одна, украдкой, озираясь,
И я спешу в лицо прекрасной заглянуть,
И вижу ясное, – и тихо, улыбаюсь,

Ты на слова любви мне говоришь «люблю!»,
А я бессвязные связать стараюсь речи,
Дыханьем пламенным дыхание ловлю,
Целую волоса душистые и плечи,

И долго слушаю, как ты молчишь, – и мне
Ты предаешься вся для страстного лобзанья, —
О друг, как счастлив я, как счастлив я вполне!
Как жить мне хочется до нового свиданья!

<1847>

«Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой...»

Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой
Каймою тень легла от сосен в лунный свет...
Какая тишина! Из-за горы высокой
Сюда и доступа мятежным звукам нет.

Я не пойду туда, где камень вероломный,
Скользя из-под пяты с отвесных берегов,
Летит на хрящ морской; где в море вал огромный
Придет – и убежит в объятия валов.

Одна передо мной, под мирными звездами,
Ты здесь, царица чувств, властительница дум...
А там придет волна – и грянет между нами...
Я не пойду туда: там вечный плеск и шум!

<1847>, 1855

«Странное чувство какое-то в несколько дней...»

Странное чувство какое-то в несколько дней
овладело
Телом моим и душой, целым моим существом:
Радость и светлая грусть, благотворный покой
и желанья
Детские, резвые – сам даже понять не могу.
Вот хоть теперь: посмотрю за окно на веселую
зелень
Вешних деревьев, да вдруг ветер ко мне донесет
Утренний запах цветов и птичек звонкие песни —
Так бы и бросился в сад с кликом: пойдём же,
пойдём!
Да как взгляну на тебя, как уселась ты там
безмятежно
Подле окошка, склоня иглы ресниц на канву,
То уж не в силах ничем я шевельнуться, а только
Всю озираю тебя, всю – от пробора волос
До перекладки пялец, где вольно, легко и уютно,
Складки раздвинув, прильнул маленькой ножки
носок.
Жалко... да нет – хорошо, что никто не видал,
как взглянула
Ты на сестрицу, когда та приходила сюда
Куклу свою показать. Право, мне кажется, всех бы
Вас мне хотелось обнять. Даже и брат твой, шалун,
Что изучает грамматику в комнате ближней,
мне дорог.
Можно ль так ложно его вещи учить понимать!
Как отворялися двери, расслушать я мог,
что учитель
Каждый отдельный глагол прятал в отдельный
залог:
Он говорил, что любить есть действие —
не состоянье.
Нет, достохвальный мудрец, здесь ты не видишь
ни зги;
Я говорю, что любить – состоянье, еще и какое!
Чудное, полное нег!.. Дай бог нам вечно
любить!

«Я знаю, гордая, ты любишь самовластье...»

Я знаю, гордая, ты любишь самовластье;
Тебя в ревнивом сне томит чужое счастье;
Свободы смелый лик и томный взор любви
Манят наперерыв желанья твои.
Чрез всю толпу рабов у пышной колесницы
Я взгляд лукавый твой под бархатом ресницы
Давно прочел, давно – и разгадал с тех пор,
Где жертву новую твой выбирает взор.
Несчастный юноша! давно ль, веселья полный,
Скользил его челнок, расталкивая волны?
Смотри, как счастлив он, как волен... он – ничей;
Лобзает ветр один руно его кудрей.
Рука, окрепшая в труде однообразном,
Минула берега, манящие соблазном.
Но горе! ты поёшь; на зыбкое стекло
Из ослабевших рук упущено весло;
Он скован, – ты поешь, ты блещешь красотою,
Для взоров божество – сирена под водою.

Июль 1847

«Ее не знает свет, – она еще ребенок...»

Ее не знает свет, – она еще ребенок;
Но очерк головы у ней так чист и тонок,
И столько томности во взгляде кротких глаз,
Что детства мирного последний близок час.
Дохнет тепло любви, – младенческое око
Лазурным пламенем засветится глубоко,
И гребень, ласково-разборчив, будто сам
Пойдет медлительней по пышным волосам,
Персты румяные, бледнея, подлиннеют...
Блажен, кто замечал, как постепенно зреют
Златые гроздия, и знал, что, виноград
Сбирая, он вопьет их сладкий аромат!

<1847>

«Эх, шутка-молодость! Как новый, ранний снег...»

Эх, шутка-молодость! Как новый, ранний снег
Всегда и чист и свеж! Царица тайных нег,
Луна зеркальная над древнею Москвою
Одну выводит ночь блестящей за другую.
Что, все ли улеглись, уснули? Не пора ль?..
На сердце жар любви, и трепет, и печаль!..
Бегу! Далекое, как бы в вознагражденье,
Шлют звезды в иное свое изображение.
В сиянии полночи безмолвен сон Кремля.
Под быстрою стопой промерзлая земля
Звучит, и по крутой, хотя недавней стуже
Доходит бой часов порывистой и туже.
Бегу! Нигде огня, – соседи полегли,
И каждый звук шагов, раздавшийся вдали,
Иль тени на стене блестящей колыханье
Мне напрягает слух, прервав мое дыханье.

<1847>

«Лозы мои за окном разрослись живописно и даже...»

Лозы мои за окном разрослись живописно и даже
Свет отнимают. Смотри, вот половина окна
Верхняя темною зеленью листьев покрыта;
меж ними,
Будто нарочно, в окне кисть начинает желтеть.
Милая, полно, не трогай!.. К чему этот дух
разрушенья!
Ты доставать виноград высунешь руку на двор, —
Белую, полную ручку легко распознают соседи,
Скажут: она у него в комнате тайно была.

<1847>

«Тебе в молчании я простираю руку...»

Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь.
Ты втайне поняла души смешную муку,
Усталых прихотей ты разгадала скуку;
Мы вместе – и судьбе я молча предаюсь.

Без клятв и клеветы ребячески-невинной
Сказала жизнь за нас последний приговор.
Мы оба молоды, но с радостью старинной
Люблю на локон твой засматриваться длинный;
Люблю безмолвных уст и взоров разговор.

Как в дни безумные, как в пламенные годы,
Мне жизни мировой святыня дорога;
Люблю безмолвие полунощной природы,
Люблю ее лесов лепечущие своды,
Люблю ее степей алмазные снега.

И снова мне легко, когда, святому звуку
Внимая не один, я заживо делюсь;
Когда, за честный бой с тенями взяв поруку,
Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь.

<1847>

«Не говори, мой друг...»

Не говори, мой друг: «Она меня забудет,
Изменчив времени всемогущего полет;
Измученной души напрасный жар пройдет,
И образ роковой преследовать не будет
Очей задумчивых; свободней и смелей
Вздохнет молодая грудь; замедленных речей
Польется снова ток блистательный и сладкой;
Ланиты расцветут – и в зеркало украдкой
Невольно станет взор с вопросом забегать, —
Опять весна в груди – и счастье опять».
Мой милый, не лелей прекрасного обмана:
В душе мечтательной смертельна эта рана.
Видал ли ты в лесах под тению дубов
С винтовками в руках засевших шалунов,
Когда с холмов крутых, окрестность оглашая,
Несется горячо согласных гончих стая
И, праздным юношам дриад жестоких дань,
Уже из-за кустов выскакивает лань?
Вот-вот и выстрелы – и в переливах дыма
Еще быстрее лань, как будто невинна,
Проклятьям вопреки и хохоту стрелков,
Уносится во мглу безбрежную лесов, —
Но ловчий опытный уж на позыв победный
К сомкнувшимся губам рожок подносит медный.

<1854>

«Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?...»

Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?
Ведь снова не пойму я ни одной страницы —
И яркий белый свет начнет в глазах мелькать,
И ложных призраков заблещут вереницы.

За что ж? Что сделал я? Чем грешен пред тобой?
Ужели помысел мне должен быть укором,
Что так язвительно смеется призрак твой
И смотрит на меня таким тяжелым взором?

<1854>

«Под небом Франции, среди столицы света...»

Под небом Франции, среди столицы света,
Где так изменчива народная волна,
Не знаю отчего грустна душа поэта
И тайной скорбию мечта его полна.

Каким-то чуждым сном весь блеск несется мимо,
Под шум ей грезится иной, далекий край;
Так древле дикий скиф среди праздничного Рима
Со вздохом вспоминал свой северный Дунай.

О боже, перед кем везде страданья наши
Как звезды по небу полному горят,
Не дай моим устам испить из горькой чаши
Изгнанья мрачного по капле жгучий яд!

1856

Смерти

Когда, измучен жаждой счастья
И громом бедствий оглушен,
Со взором, полным сладострастья,
В тебе последнего участия
Искать страдалец обречен, —

Не верь, суровый ангел Бога,
Тушить свой факел погоди.
О, как в страданьи веры много!
Постой! безумная тревога
Уснет в измученной груди.

Придет пора – пора иная:
Повеет жизни благодать,
И будет тот, кто, изнывая,
В тебе встречал предтечу рая,
Перед тобою трепетать.

Но кто не молит и не просит,
Кому страданье не дано,
Кто жизни злобно не поносит,
А молча, сознавая, носит
Твое могучее зерно,

Кто дышит с равным напряженьем, —
Того, безмолвна, посети,
Повея полным примиреньем,
Ему предстань за сновиденьем
И тихо вежды опусти.

Конец 1856 или начало 1857

«Целый заставила день меня промечтать ты сегодня...»

Целый заставила день меня промечтать ты сегодня:
Только забудусь – опять ты предо мною в саду.
Если очнусь, застаю у себя на устах я улыбку;
Вновь позабудусь – и вновь листья в глазах
да цветы,
И у суровой коры наклоненного старого клена,
Милая дева-дитя, в белом ты чинно сидишь.
Да, ты ребенок еще; но сколько любви благодатной
Светит в лазурных очах мальчику злему вослед!
Златоволосый, как ты, на твоих он играет коленях,
В вожжи твой пояс цветной силясь, шалун,
обратить.
Крепко сжимая концы ленты одною ручонкой,
Веткой левкою тебя хочет ударить другой.
Полно, шалун! Ты сронил диадиму с румяной
головки;
Толстою прядью скользя, вся развернулась коса.
Цвет изумительный: точно опала и бронзы слиянье
Иль назревающей ржи колос слегка-золотой.
О Афродита! Не твой ли здесь шутит кудрявый
упрямец?
Долго не даром вокруг белый порхал мотылек;
Мне еще памятен образ Амура и нежной Психеи!
Душу мою ты в свой мир светлый опять унесла.

<1857>

Одинокий дуб

Смотри, – синея друг за другом,
Каким широким полукругом
Уходят правнуки твои!
Зачем же тенью благотворной
Все кружишь ты, старик упорный,
По рубежам родной земли?

Когда ж неведомым страданиям,
Когда жестоким испытаньям
Придет медлительный конец?
Иль вечно понапрасну годы
Рукой суровой непогоды
Упрямый щиплют твой венец?

И под изрытою корою
Ты полон силой молодою.
Так старый витязь, сверстник твой,
Не остывал душой с годами
Под иззубренною мечами,
Давно заржавленной броней.

Всё дальше, дальше с каждым годом
Вокруг тебя незримым ходом
Ползет простор твоих корней,
И, в их кривые промежутки
Гнездясь, с пригорка незабудки
Глядят смелее в даль степей.

Когда же, вод взломав оковы,
Весенний ветер несет в дубровы
Твои поблеклые листья,
С ним вести на простор широкий,
Что жив их пращур одинокий,
Ко внукам посылаешь ты.

<1856>

Италия

Италия, ты сердцу солгала!
Как долго я в душе тебя лелеял, —
Но не такой мечта тебя нашла,
И не родным мне воздух твой повеял.

В твоих степях любимый образ мой
Не мог, опять воскреснувши, не вырасть;
Сын севера, люблю я шум лесной
И зелени растительную сырость.

Твоих сынов паденье и позор
И нищету увидя, содрогаюсь;
Но иногда, суровый приговор
Забыв, опять с тобою примиряюсь.

В углах садов и старческих руин
Нередко жар я чувствую мгновенный
И слушаю – и кажется, один
Я слышу гимн Сивиллы вдохновенной.

В подобный миг чужие небеса
Неведомой мне в душу веют силой,
И я люблю, увядшая краса,
Твой долгий взор, надменный и унылый,

И ящериц, мелькающих кругом,
И негу их на нестерпимом зное,
И страстного кумира под плющом
Раскидистым увечье вековое.

Между 1856 и 1858

На развалинах цезарских палат

Над грудой мусора, где плющ тоскливо вьется,
Над сводами глухих и темных галерей
В груди моей сильней живое сердце бьется,
И в жилах кровь бежит быстрее.

Пуškai вокруг меня, тяжелые громады,
Из праха восстают и храмы, и дворцы,
И драгоценные пестреют колоннады,
И воскресают мертвецы,

И шум на площади, и женщин вереница,
И вновь увенчанный святой алтарь горит,
И из-под новых врат золотая колесница
К холму заветному спешит.

Нет! нет! не ослепишь души моей тревожной!
Пуškai я не дерзну сказать: «Ты не велик»,
Но, Рим, я радуюсь, что грустный и ничтожный
Ты здесь у ног моих приник!

Безжалостный квирит, тебя я ненавижу
За то, что на земле ты видел лишь себя,
И даже в зрелищах твоих кровавых вижу,
Что музы прокляли тебя.

Напрасно лепетал ты эллинские звуки:
Ты смысла тайного речей не разгадал
И на учителя безжалостные руки,
Палач всемирный, подымал.

Законность измерял ты силою великой —
Что ж сиротливо так безмолвствуешь теперь?
Ты сам, бездушный Рим, пал жертвой силы дикой,
Как устаревший хищный зверь.

И вот растерзаны блестящие одежды,
В тумане утреннем развалина молчит,
И трупа буйного, жестокого невежды
Слезой камня не почтит.

Между 1856 и 1858

«Пойду навстречу к ним знакомою тропюю...»

Пойду навстречу к ним знакомою тропюю.
Какою нежною, янтарною зарею
Сияют небеса, нетленные, как рай.
Далёко выгнулся земли померкший край,
Прохлада вечера и дышит и не дышит
И колос зреющий едва-едва колышет.
Нет, дальше не пойду: под сению дубов
Всю ночь, всю эту ночь я просидеть готов,
Смотря в лицо зари иль вдоль дороги серой...
Какою молодой и безграничной верой
Опять душа полна! Как в этой тишине
Всем, всем, что жизнь дала, довольная вполне,
Иного уж она не требует удела.
Собака верная у ног моих присела
И, ухо чуткое насторожив слегка,
Глядит на медленно ползущего жука.
Иль мне послышалось? – В подобные мгновенья
Вдали колеблются и звуки, и виденья.
Нет, точно – издали доходит до меня
Нетерпеливый шаг знакомого коня.

<1859>

Старые письма

Давно забытые, под легким слоем пыли,
Черты заветные, вы вновь передо мной
И в час душевных мук мгновенно воскресили
Все, что давно-давно утрачено душой.

Горя огнем стыда, опять встречают взоры
Одну доверчивость, надежду и любовь,
И задушевных слов поблекшие узоры
От сердца моего к ланитам гонят кровь.

Я вами осужден, свидетели немые
Весны души моей и сумрачной зимы.
Вы те же светлые, святые, молодые,
Как в тот ужасный час, когда прощались мы.

А я доверился предательскому звуку —
Как будто вне любви есть в мире что-нибудь! —
Я дерзко оттолкнул писавшую вас руку,
Я осудил себя на вечную разлуку
И с холодом в груди пустился в дальний путь.

Зачем же с прежнею улыбкой умиления
Шептать мне о любви, глядеть в мои глаза?
Души не воскресит и голос всепрощенья,
Не смоет этих строк и жгучая слеза.

1859 (?)

«О нет, не стану звать утраченную радость...»

О нет, не стану звать утраченную радость,
Напрасно горячить скудеющую кровь;
Не стану кликать вновь забывчивую младость
И спутницу ее безумную любовь.

Без ропота иду навстречу вечной власти,
Молитву затвердя горячую одну:
Пусть тот осенний ветер мои погасит страсти,
Что каждый день с чела роняет седину.

Пускай с души больной, борьбою утомленной,
Без грохота спадет тоскливой жизни цепь,
И пусть очнусь вдали, где к речке безыменной
От голубых холмов бежит немая степь,

Где с дикой яблонью убором спорит слива,
Где тучка чуть ползет, воздушна и светла,
Где дремлет над водой поникнувшая ива
И вечером, жужжа, к улью летит пчела.

Быть может – вечно вдаль с надеждой смотрят очи! —
Там ждет меня друзей лелеющий союз,
С сердцами чистыми, как месяц полуночи,
С душою чуткою, как песни вещих муз.

Там наконец я все, чего душа алкала,
Ждала, надеялась, на склоне лет найду
И с лона тихого земного идеала
На лоно вечности с улыбкой перейду.

<1857>

«Окна в решетках, и сумрачны лица...»

Окна в решетках, и сумрачны лица,
Злоба глядит ненавистно на брата;
Я признаю твои стены, темница, —
Юности пир ликовал здесь когда-то.

Что ж там мелькнуло красою нетленной?
Ах, то цветок мой весенний, любимый!
Как уцелел ты, засохший, смиренный,
Тут, под ногами толпы нелюдимой?

Радость сияла, чиста безупречно,
В час, как тебя обронила невеста.
Нет, не покину тебя бессердечно,
Здесь, у меня на груди тебе место.

<1882>

«Не первый год у этих мест...»

Не первый год у этих мест
Я в час вечерний проезжаю,
И каждый раз гляжу окрест,
И над березами встречаю
Все тот же золоченый крест.

Среди зеленой густоты
Карнизов обветшалых пятна,
Внизу могилы и кресты,
И мне – мне кажется понятно,
Что шепчут куполу листы.

Еще колеблясь и дыша
Над дорогими мертвецами,
Стремлюсь куда-то, вдаль спеша,
Но встречу с тихими гробами
Смиренно празднует душа.

<1864>

«Томительно-призывно и напрасно...»

Томительно-призывно и напрасно
Твой чистый луч передо мной горел;
Немой восторг будил он самовластно,
Но сумрака кругом не одолел.

Пускай клянут, волнуясь и споря,
Пусть говорят: то бред души больной;
Но я иду по шаткой пене моря
Отважною, нетонущей ногой.

Я пронесу твой свет чрез жизнь земную;
Он мой – и с ним двойное бытие
Вручила ты, и я – я торжествую
Хотя на миг бессмертие твое.

<1871>

«Ты отстрадала, я еще страдаю...»

Ты отстрадала, я еще страдаю,
Сомнением мне суждено дышать,
И трепещу, и сердцем избегаю
Искать того, чего нельзя понять.

А был рассвет! Я помню, вспоминаю
Язык любви, цветов, ночных лучей. —
Как не цвести всевидящему маю
При отблеске родном таких очей!

Очей тех нет – и мне не страшны гробы,
Завидно мне безмолвие твое,
И, не судя ни тупости, ни злобы,
Скорей, скорей в твое небытие!

4 ноября 1878

Alter Ego¹

Как лилея глядится в нагорный ручей,
Ты стояла над первою песней моей,
И была ли при этом победа, и чья, —
У ручья ль от цветка, у цветка ль от ручья?

Ты душою младенческой все поняла,
Что мне высказать тайная сила дала,
И хоть жизнь без тебя суждено мне влачить,
Но мы вместе с тобой, нас нельзя разлучить.

Та трава, что вдали на могиле твоей,
Здесь на сердце, чем старе оно, тем свежей,
И я знаю, взглянувши на звезды порой,
Что взирали на них мы как боги с тобой.

У любви есть слова, те слова не умрут.
Нас с тобой ожидает особенный суд;
Он сумеет нас сразу в толпе различить,
И мы вместе придем, нас нельзя разлучить!

Январь 1878

---

¹ Второе я (*лат.*).

Смерть

«Я жить хочу! – кричит он, дерзновенный. —
Пускай обман! О, дайте мне обман!»
И в мыслях нет, что это лед мгновенный,
А там, под ним, – бездонный океан.

Бежать? Куда? Где правда, где ошибка?
Опора где, чтоб руки к ней простерть?
Что ни расцвет живой, что ни улыбка, —
Уже под ними торжествует смерть.

Слепцы напрасно ищут, где дорога,
Доверясь чувств слепым поводырям;
Но если жизнь – базар крикливый Бога,
То только смерть – его бессмертный храм.

1878

Среди звезд

Пусть мчитесь вы, как я, покорны мигу,
Рабы, как я, мне прирожденных числ,
Но лишь взгляну на огненную книгу,
Не численный я в ней читаю смысл.

В венцах, лучах, алмазах, как калифы,
Излишние средь жалких нужд земных,
Незыблемой мечты иероглифы,
Вы говорите: «Вечность – мы, ты – миг.

Нам нет числа. Напрасно мыслью жадной
Ты думы вечной догоняешь тень;
Мы здесь горим, чтоб в сумрак непроглядный
К тебе просился беззакатный день.

Вот почему, когда дышать так трудно,
Тебе отрадно так поднять чело
С лица земли, где все темно и скудно,
К нам, в нашу глубь, где пышно и светло».

22 ноября 1876

«Измучен жизнью, коварством надежды...»

*Die Gleichmäßigkeit des Laufes
der Zeit in allen Köpfen beweist
mehr, als irgend etwas, daß wir
Alle in denselben Traum versenkt
sind, ja daß es Ein Wesen ist,
welches ihn träumt.*

Schopenhauer²

1

Измучен жизнью, коварством надежды,
Когда им в битве душой уступаю,
И днем и ночью смежаю я вежды
И как-то странно порой прозреваю.

Еще темнее мрак жизни вседневной,
Как после яркой осенней зарницы,
И только в небе, как зов задушевный,
Сверкают звезд золотые ресницы.

И так прозрачна огней бесконечность,
И так доступна вся бездна эфира,
Что прямо смотрю я из времени в вечность
И пламя твое узнаю, солнце мира.

И неподвижно на огненных розах
Живой алтарь мироздания курится,
В его дыму, как в творческих грезах,
Вся сила дрожит и вся вечность снится.

И все, что мчится по безднам эфира,
И каждый луч, плотской и бесплотный, —
Твой только отблеск, о солнце мира,
И только сон, только сон мимолетный.

И этих грез в мировом дуновении
Как дым несусь я и таю невольно,
И в этом прозрении, и в этом забвении
Легко мне жить и дышать мне не больно.

---

² Равномерность течения времени во всех головах доказывает более, чем что-либо другое, что мы все погружены в один и тот же сон; более того, что все видящие этот сон являются единым существом. Шопенгауэр (нем.).

2

В тиши и мраке таинственной ночи
Я вижу блеск приветный и милый,
И в звездном хоре знакомые очи
Горят в степи над забытой могилой.

Трава поблекла, пустыня угрюма,
И сон сиротлив одинокой гробницы,
И только в небе, как вечная дума,
Сверкают звезд золотые ресницы.

И снится мне, что ты встала из гроба,
Такой же, какой ты с земли отлетела,
И снится, снится: мы молоды оба,
И ты взглянула, как прежде глядела.

1864 (?)

«Когда Божественный бежал людских речей...»

Когда Божественный бежал людских речей
И празднословной их гордыни,
И голод забывал и жажду многих дней,
Внимая голосу пустыни,

Его, взалкавшего, на темя серых скал
Князь мира вынес величавый.
«Вот здесь, у ног твоих, все царства, — он сказал, —
С их обаянием и славой.

Признай лишь явное, пади к моим ногам,
Сдержи на миг порыв духовный —
И эту всю красу, всю власть тебе отдам
И покорюсь в борьбе неровной».

Но Он отвечивал: «Писанию внемли:
Пред Богом-Господом лишь преклоняй колени!»
И сатана исчез — и ангелы пришли
В пустыне ждать Его велений.

<1874>

Ничтожество

Тебя не знаю я. Болезненные крики
На рубеже твоём рождала грудь моя,
И были для меня мучительны и дики
Условия первые земного бытия.

Сквозь слез младенческих обманчивой улыбкой
Надежда озарить сумела мне чело,
И вот всю жизнь с тех пор ошибка за ошибкой,
Я все ищу добра – и нахожу лишь зло.

И дни сменяются утратой и заботой
(Не все ль равно: один иль много этих дней!),
Хочу тебя забыть над тяжкою работой,
Но миг – и ты в глазах с бездонностью своей.

Что ж ты? Зачем? – Молчат и чувства и познание.
Чей глаз хоть заглянул на роковое дно?
Ты – это ведь я сам. Ты только отрицание
Всего, что чувствовать, что мне узнать дано.

Что ж я узнал? Пора узнать, что в мироздании,
Куда ни обратиться, – вопрос, а не ответ;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.